УДК 1(091)«18/19»:[165.731.2:165.813]

DOI: 10.26456/vtphilos/2026.2.227

Имманентная эпистемология: Авенариус, Мах, Шуппе

С.Н. Коськов, М.А. Иваненко

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», г. Орел

В данной статье исследуется эпистемологическое наследие трех крупнейших мыслителей имманентности второй половины XIX – начала XX вв.: Рихарда Авенариуса, Эрнста Маха и Вильгельма Шуппе. Генезис их философских позиций рассматривается в широком контекстенаучной мысли конца XIX века, учитывая такие факторы, как развитие физики и биологии, появление эмпирической психологии и нарастающее недовольство кантианским трансцендентализмом в немецкоязычной академической среде. Актуализируются взгляды мыслителей имманентности на дуализмы субъекта и объекта, физического и ментального, познающего «Я» и окружающей среды. Прослеживается прямое влияние эмпириокритицизма Р. Авенариуса, нейтрального монизма Э. Маха, а также имманентной философии В. Шуппе на интеллектуальный ландшафтXX в., включая логический эмпиризм, аналитическую философию, феноменологию и радикальный конструктивизм.

Ключевые слова:*субъект познания, имманентность, трансцендентность, эмпириокритицизм, махизм, инструментализм, кантианство.*

Вторая половина XIX в.стала для интеллектуальной истории человечества эпохой дарвинизма и термодинамики, эмпиризма и новых форм материализма. Естествознание характеризуется размежеванием со старой натурфилософией, которая постулировала романтическую «жизненную силу» (Lebenskraft) как парадигму реальности. «Новые направления в науке, – пишет исследовательК.А. Краусс, –утверждали, что вся природа, включая живых существ, подчиняется объяснительным теориям физики» [17, p. 7]. Ученыечаще обращаются к экспериментальным методам и количественному математическому подходу, в том числе в биологии, исходя из положения о том, что органические процессы подчиняются тем же физическим законам, что и неорганическая материя. Лаборатория превращаетсяв место сосредоточения научной жизни. Для естествоиспытателей, таких как Герман фон Гельмгольц, эксперимент предстает не только инструментом по проверке научных идей: он оказываетсязаложен в природе субъекта познания, выражаясь в «бессознатель-

© Коськов С.Н., Иваненко М.А., 2026

ных индукциях наших восприятий» [20, с. 177]. Тем временем психология отделяется от философии и претендует на звание эмпирической науки. Разгораются дебаты по психофизической проблеме: если душа отрицается как метафизический архаизм, а органические процессы подчиняются законам физики и химии, то возникает вопрос о природе сознания и разума.

На этом историческом фоне в немецкоязычных университетах выстраиваются сложные отношения между естественными (Naturwissenschaften) и гуманитарными (Geisteswissenschaften) науками. Философия, одна из наук о Духе, должна была сориентироваться в новой интеллектуальной среде, когда пересматривалась демаркация между сферами ментального и физического. Магистральной линией на философских факультетах оставался кантианский идеализм, но был также запрос на антиметафизическую философию, соответствующуюэпистемологическим тенденциям естествознания тоговремени. Одним из предтеч развенчания трансцендентального наследия Иммануила Канта выступал Артур Шопенгауэр, создатель первой неклассической эпистемологии, утверждавший: «как не может быть объекта без субъекта, не может быть и субъекта без объекта, т. е. познающего без отличного от него познаваемого» [13, с. 293]. Его критика ноуменов и воля как имманентная миру сила, познаваемая рассудком через страдания и желания тела, предвосхитили эпистемологию целой плеяды мыслителей второй половины XIX – начала XX вв.: Эрнста Маха, Рихарда Авенариуса и Вильгельма Шуппе. Несмотря на определенные разногласия, они были солидарны в желании устранить любые трансцендентные основания знания, а также в приверженности языку эмпирической психологии своего времени. Идейную близость отмечали как сами вышеперечисленные мыслители, например, Э. Мах в начале своего «Анализа ощущений» [9, с. 47], так и их критики: от Георгия Плеханова до ЭдмундаГуссерля. В отечественной историкофилософскойтрадициитакже прослеживается размытие индивидуальных отличий ключевых представителей данного направления. Например, еще в 1905 г. Сергей Алексеев (Аскольдов) в статье о школе имманентной философии В. Шуппе сводит мысль последнего к формуле «Нет субъекта без объекта, и обратно» [2, с. 821] (неслучайно похожей на приведенную выше цитату А. Шопенгауэра), которая впоследствии рядом исследователей будет атрибутирована Р. Авенариусу.Настоящая работа ставит своей целью проследить единство имманентного опыта познания в трех различных изложениях Р. Авенариуса, Э. Маха и В. Шуппе, а также оценить их влияние на интеллектуальный ландшафт двадцатого столетия.

Р. Авенариус был основателем школы эмпириокритицизма, преподавалв университете Цюриха. Он элиминирует все трансцендентные понятия в сферу дотеоретического чистого опыта, который характеризуется в терминах биологической адаптации и сохранения энергии. Цель

критики Р. Авенариусасостоит в том, чтобы доказать: в аппарате познания объект, репрезентация и познающий субъект – это конструкции одного и того же чистого опыта. В таком случае снимается не только кантианская «вещь в себе», но и субъектно-объектный дуализм, который заменяется неразрывной функциональной системой, в рамках которой даны объекты окружающей среды, психические ощущения и элементы центральной нервной системы. Деление на субъект и объект – это метафизическая иллюзия, причиной которой выступает приобретенный в ходе эволюции психологический механизм интроекции.В результатеинтроекции «единство эмпирически данного мира расщепилось по двум направлениям: на внешний мир и внутренний мир, на объект и субъект» [1, с. 22], – пишет Р. Авенариус в работе «Человеческое понятие о мире». Швейцарский мыслитель предпочитает не употреблять понятия субъекта и объекта, используя термины центра и периферии. Ученик Р. Авенариуса ЙозефПетцольдт полагал различение явлений на ментальные и материальные исключительно в «методологических целях» [17,p. 73], не допуская в сферу первичного опыта чего-либо субъективног о или объективного, ограничиваясь описательным подходом эмпирической психологии к содержанию переживаемых восприятий.Эмпириокритицизм делает акцент на «принципиальной координации» [1, с. 56] между центральной нервной системой организма и средой, устраняя какие-либо трансцендентные основания познания мира. В чистом опыте нет субъекта, который «находит» объекты окружающей среды: и субъект и объекты есть найденное (dasVorgefunden).

Поскольку в естественном понятии о мире (natürlicherWeltbegriff) объект и субъект не являются самостоятельными субстанциями, реляционная модель Р. Авенариуса не основывает психическое на разделении «Я» как носителя сознания и окружающей среды. Напротив, замечает К.А. Краусс, у швейцарского философа «в определенном смысле среда сама может рассматриваться как нечто психическое» [17, p. 49]. Это сближает мысль Р. Авенариуса с некоторыми идеями таких направлений, как радикальный конструктивизм и философия сознания. В рамках концепции автопоэзисаФрансиско Варелы и Умберто Матураныпознание является воплощенной адаптацией: автопоэзис как самодостраивание есть «элемент продвижения вперед, обновления, что является признаком творчества для высших когнитивных систем» [4, с. 81]. В энактивизме Дэвида Чалмерса, представителя американской философии сознания, окружающая среда выступает когнитивным компонентом расширенного разума (extendedmind), в котором отсутствует строгая демаркация субъекта и объекта познания (когнитивного агента и среды), что обеспечивает, согласно интерпретации Е.Н. Князевой, «связь жизни с познанием, а познания с действием, активность<…> как от субъекта, так и от объекта» [4, с. 106]. В свою очередь отказ Р. Авенариуса от дихотомии внешнего-внутреннего позволяет сравнить егометодологию сакторно-сетевой

теорией Бруно Латура, отвергающей дуализмы внешнего и внутреннего, микро- и макроуровней, природного и общественного, настаивая на имманентном лозунге «следуйте за акторами» [7, с. 91]. Таким образом, эмпириокритицизм актуализируется в свете современных философских течений, полагая Эго не субъектом-законодателем мира, а организмом, который находится в мире и пытается адаптироваться, используя физиологические ресурсы, включающие мозговую деятельность, от которой зависят познавательные процессы.

Положение Р. Авенариуса о том, что субъект и объект являются не условиями реальности, а компонентами эмпирически данного опыта, пересекалось с идеями его современника, австрийского физика Э. Маха. Онпредпочитал называть себя естествоиспытателем, а не философом, повторяя: «не существует никакой философии Маха» [10, с. 32]. Но это не будет препятствием назвать его одним из важнейших философов и методологов науки, который исследовал роль понятий пространства, времени и инерции, а также руководствовалсяисторико-критическим анализом в своих работах по истории механики, оптики и термодинамики. В своем позитивистском стремлении очистить физику от метафизических наслоений Э. Мах постулировал, что реальность состоит из неких элементов,которые являются нередуцируемыми эмпирически данными, ни ментальными, ни физическими. Под влиянием экспериментальной психологии он полагал, что элементы выражаются в опыте как нейтральные ощущения.Монизм Э. Маха избегает бинарных оппозиций субъекта и объекта, априорного и апостериорного знания, сознания и тела, но в то же времяоказывается предубежден против существования атомов и молекул. Будучи преподавателем физики в Венском университете, австрийский естествоиспытатель приходил на занятия своего коллеги Людвига Больцмана, и когда Л. Больцман произносил слово «молекула», Э. Мах кричал с последнего ряда: «Покажите мне хоть одну!». Травля Л. Больцмана со стороны других физиков, включая Э. Маха, стала одной из причин самоубийства этого выдающегося ученого.

С другой стороны, Э. Мах одним из первых бросил вызов ньютоновским концепциям абсолютного пространства и времени. В его имманентной эпистемологии познавательное значение имеет только наблюдаемое движение относительно других тел, а не абсолютные и неизменные точки отсчета. Э. Мах вдохновил теорию относительности, но не принял ее из-за стойкого антиметафизического радикализма. Позднее А. Эйнштейн свяжет этот догматизм с тем, что автор «Анализа ощущений» недооценил «конструктивный и спекулятивный характер всякого мышления, в особенности научного» [14, с. 266]. Для Э. Маха понятия физики –это не продукты чистого воображения и не простые репрезентации окружающего мира. Указывая на глубинную метафоричность языка науки, он предлагал в рамках экономии мышления (когнитивных затрат,

положенных на разработку эффективных теорий) сосредоточиться на выработке того, что современная эпистемология называет «семантическими конвенциями» [6, с. 185]. В целом позиция Э. Маха базировалась на инструментализме, согласно которому научное знание является не отражением реальности, а эффективной организацией опыта, позволяющей решать эмпирические проблемы. Критический подход австрийского физика с акцентом на временной и нестабильной природе всякого знания будет подхвачен логическими позитивистами Венского кружка.

Эрнст фон Глазерсфельдуказывал Э. Маха в качестве одного из предшественников своей философии наряду с такими мыслителями, как Джордж Беркли и Жан Пиаже. Для основателя радикального конструктивизма познание является не отражением объективной реальности, а конструкцией субъекта, переживающего опыт. Согласно изложению Э. фон Глазерсфельда, именно Э. Мах первым обратил внимание на то, что постоянство в существовании объектов – это следствие координации данных опыта и их последующей проекциинавнешний мир. Но если Э. Мах был уверен, что ощущения-элементы даны еще до расщепления на субъект и объект, то по Э. фон Глазерсфельду даже ощущения конструируются когнитивной системой: «форма, образ или, вообще говоря, паттерн, должны рассматриваться не в меньшей степени,чем концепция постоянного объекта как результат координационной деятельности субъекта» [16,p. 78]. Другой недостаток Э. Маха заключался в том, что он сохранял модель пассивного наблюдателя, к которому «снисходит» опыт, в то время как радикальный конструктивизм, следуя идеям Ж. Пиаже, рассматривает познание как активную организацию опыта. Когнитивные структуры, подчеркивает Э. фон Глазерсфельд, неотделимы от их использования. Действительно, Ж. Пиаже в ходе своих эмпирических исследований по генезису мыслительных способностей детей пришел ко вполне конструктивистскому выводу: когнитивное развитие происходит посредством имманентных жизненных процессов, а не через трансцендентные принципы. Он писал, что «интеллект организует мир в процессе организации самого себя» [18, p. 355]. В то время как Э. Мах исходил из парадигмы феноменалистской психологии XIX в., генетическая эпистемология Ж. Пиаже и вдохновленные кибернетикой философские работы Э. фон Глазерсфельда обеспечивают научное расширение имманентного мышления в XX в.

Обособленно от эмпириокритицизма Р. Авенариуса и монизма Э. Маха стоял В. Шуппе, профессор философии и ректор университета Грайсфальда, что в Западной Померании, Германия. Он не интегрировал в свою философию терминологию актуального естествознания, как Р. Авенариус, и не пользовался авторитетом в широких группах ученых, как Э. Мах, имевший значительное влияние на научную жизнь Вены. Но именно В. Шуппезакрепил название «имманентная философия» (Immanenzphilosophie) для своей системы, в которой субъект как «Я» и

объект как содержание сознания взаимно встроены. В имманентном опыте субъект обнаруживает себя в объекте, а объект существует внутри субъекта. Раскол субъекта и объекта – это концептуальная абстракция (begriffliches Moment) от изначального единства родового сознания как сознания вообще (Bewusstseinüberhaupt). В. Шуппе отвергал и трансцендентальную субъективность И. Канта, поскольку Эго как сознание имманентно своему содержанию, и фихтеанское абсолютное «Я», поскольку субъект всегда встроен в объект. В программной работе «Эпистемологическая логика» (Erkenntnistheoretische Logik) он писал: «Эго как субъект, который находит содержание сознания в себе и себя в нем, есть лишь концептуальная абстракция родового сознания, настолько естественная для нас, что под ее влиянием упускается из виду столь же естественная и самоочевидная взаимосвязь субъекта и объекта» [21, s. 74]. Так В. Шуппе разрушает субъектно-объектный дуализм: субъект (сознание) всегда уже включен, внедрен в свой объект (содержание сознания), и наоборот. Взаимная включенность первична, а разделение на субъект и объект является вторичной абстракцией, подобно рассмотрению качеств дерева как независимых от самого дерева или разделению материи и формы как отдельных сущностей. Все эти случаи концептуальных абстракций ошибочно принимаются за реальность. Парадокс сознания заключается в том, что, с одной стороны, оно требует самоидентификации («Я» познает себя как «Я»), а с другой – различения от собственного содержания, что и приводило других мыслителейк ошибочным построениям вроде субъектно-объектного дуализма и трансцендентных систем. Объектыявляются не отражениями реальности, а той самой средой, в которой разворачивается имманентный опыт.

Самым частым упреком в адрес имманентной философии было обвинение в солипсизме. В. Шуппе парировал его тем, что встроенность познающего субъекта в объекты, включая тело и окружающий мир, делает практический солипсизм невозможным. Согласно «Философскому лексикону» Р. Эйслера, ученик В. Шуппе Рихард фон Шуберт-Зольдерн допускал эпистемологический солипсизм: «Я» – это «связь всех содержаний сознания, из общего контекста которого мы не можем выйти» [15, s. 659]. Однако он делал оговорку, что в более узком смысле единичное сознание остается только частью этого контекста.

Опровергая существование объектов, независимых от разума, В. Шуппе разоблачает аналогию своего оппонента Христофа фон Зигварта между фразами «Нет объекта без субъекта» и «Всадник не может ходить пешком». Грайсфальдский философ доказывает, что наше знание о способности всадников ходить происходит из наблюдения за тем, как они спешиваются. Но для объектов, которые находятся якобы вне сознания, у нас нет эмпирического доступа к их гипотетическому досубъективному состоянию. В тот момент, когда «мы думаем о таком объекте, он уже находится в сознании» [21, s. 76], пишет В. Шуппе. Аналогия Х. фон

Зигвартасо всадником терпит неудачу, потому что опирается на эмпирическое доказательство (всадники спешиваются), которое невозможно для трансцендентных по отношению к сознанию объектов. Поскольку мир имманентен сознанию, объекты даны только как содержания в сознании, а не как «вещи в себе». Современный французский философ Квентин-Мейясу на других примерах исследовал такое не-солипсистскоеподчинение существования мира его отношению к человеческому сознанию. Он назвал это «кругом корреляции» и проследил кантианские корни данного смешения онтологии с эпистемологией. К. Мейясу приводит против корреляционизма аргумент «от доисторического» [11, с. 19]: научное знание о существовании Земли до появления носителей сознания. Сходную аргументацию использовал Г.П. Плеханов в полемике против имманентной философии: «известно, что было время, когда на нашей планете еще не было людей. А если не было людей, то ясно, что не было и их опыта. Но ведь Земля-то все-таки была. А это значит, что она <…> существовала вне человеческого опыта» [12, с. 234]. Со стороны В. Шуппе можно было бы возразить, что научные факты о дочеловеческой Земле все равно являются представлениями, сконструированными в рамках актуального человеческого опыта. Следовательно, далекое прошлое, о котором говорят ученые, относится не к автономной сфере бытия без познающего субъекта, а к проекции в имманентном поле сознания.

Идеи Р. Авенариуса, Э. Маха и В. Шуппе оказали существенное влияние на две линии немецкоязычной философии XX в.: логический эмпиризм и феноменологию.Переходным звеном, связывающиммыслителей имманентности и деятелей неопозитивизма, была фигура Й. Петцольдта, основные работы которого датируются 1900–1910-ми гг. Будучи учеником Э. Маха и Р. Авенариуса, он утверждал, что мир изначально дан как жизненный ряд (vitale Reihen) недифференцированных содержаний, находящихся в постоянном движении и взаимодействии. Под влиянием переписки с В. Шуппе Й. Петцольдт принял взгляд на реальность как имманентный опыт, включающий все психические и физические состояния. В отличие от Э. Маха, он почти сразу поддержал теорию относительности. К.А. Краусс объясняет это тем, что Й. Петцольдта в теории А. Эйнштейна привлекало «понятие о реальности, которая по-разному представляется в разных системах отсчета разных наблюдателей, но остается реальностью, которая может быть познана научно, потому что эти различия определяются отношениями между системами отсчета» [17, p. 172]. Под воздействием теории относительности философ начал именовать свое учение «релятивистским позитивизмом». В 1912–1921 гг. Й. Петцольдт возглавлял «Общество философии позитивизма» (Gesellschaft für positivistische Philosophie) в Берлине, которое посещали,в частности, Давид Гильберт, Зигмунд Фрейд, Феликс Клейн и др. Он был убежден, что поступательный прогресс науки приведет к полному и единому описанию научного знания.

В межвоенный период неопозитивисты Берлинского кружка ХансаРайхенбаха и Венского кружка МорицаШлика отвергли радикализм Й. Петцольдта.Сами они предпочитали называть себя не позитивистами, а логическими эмпиристами, и в некоторой степени вернулись к более критичной и гибкой позиции Э. Маха, постулировавшего принципиальную неполноту научного знания.Участники Венского кружка создали образовательную «Ассоциацию Эрнста Маха» (Verein Ernst Mach). Всячески подчеркивался эмпиризм и антиметафизическая научная методология австрийского физика, отвергающая все трансцендентные теории в пользу имманентного опыта. Рудольф Карнап в сочинениях 1920-х гг. отмечал сходство своих элементарных переживаний, таких как чувственные данные, с махистскими элементами. Представители американо-британской аналитической философии того времени, которая была явно связана с логическим эмпиризмом, признавали нейтральный монизм Э. Маха. Так, например, Бертран Рассел в начале книги «Анализ сознания» писал, что «вещество, из которого состоит мир нашего опыта, не является ни разумом, ни материей» [19, p. 2]. Но впоследствии все эти продолжатели эмпиризма пошли по пути более жесткой формализации научного знания, будь то логический атомизм Б. Рассела или протокольные предложения венских неопозитивистов. Заявляя о своей приверженности объективной научной истине, они раскритиковали имманентный взгляд Э. Маха на жизненный опыт как излишне субъективистский.

Ранняя феноменология также испытала влияние имманентной эпистемологии. Франц Брентано, австрийский мыслитель немецко-итальянского происхождения,позаимствовал у Э. Маха термин «общая физическая феноменология» в значении описательной психологии. Данного определения изначально придерживался и ученик Ф. Брентано, Э. Гуссерль, но впоследствии преобразовал эмпирическую психологию учителя в трансцендентальную феноменологию.

Уже после своего трансцендентального поворота Э. Гуссерль проводит различие между восприятием имманентным (действия внутри сознания) и трансцендентным (объекты извне, которые все еще конституируются сознанием). Он также вводит метод феноменологической редукции, включающий эпохе как заключение существования в скобки для изучения чистого сознания. Все это явно противоречит взглядам философов имманентности. Однако Э. Гуссерль полагает сознание единственным гарантом достоверности опыта, с чем согласился бы В. Шуппе, а его феноменологическая редукция, по мнению исследователяА. Стаити, обеспечивает подлинную «точку зрения имманентности<…> которая действительно свободна от метафизических и натуралистических предположений» [22, p. 368]. Другой параллелью являетсягуссерлианская концепция жизненного мира, источником которой выступает «естественное понятие о мире» [1, с. 9–13] Р. Авенариуса. Если швейцарский философ хотелуказать на фундаментальные структуры опыта, очищенного от

метафизических теорий и субъект-объектного дуализма, то поздний Э. Гуссерль в работе «Кризис европейских наук» видит в понятии дотеоретического жизненного мира телеологическую и этическую основу объективных наук [5, с. 127]. Одной из причин кризисного состояния называется засилье объективизма и натурализма, под которым понимается, в том числе,и философия Э. Маха. Системы В. Шуппе и Р. Авенариусатолько кажутся новаторскими, порывающими со старой метафизической традицией, на деле они «со своим мнимым радикализмом еще отнюдь не достигают подлинного радикализма» [3, с. 261]. Несмотря на то что Э. Гуссерль отвергает ключевые аспекты имманентной мысли, он радикализуетее важнейшую интуицию: сознание выступает абсолютной основой всякой смысловой данности.

В заключительной части данного исследования приведем высказывание отечественного философа Николая ОнуфриевичаЛосского о мыслителях имманентности, поднимающее вопрос их отношения к критериям истины: «в связи с наклонностью представителей этой философии устанавливать только формальное различие между субъективным и объективным содержанием опыта стоит их антифилософское учение о критерии истины: они полагают, что критерием объективности служит согласие восприятий различных индивидуумов» [8, с. 185]. Итак, обвинение Н.О. Лосского заключается в том, что критерием истинности в работах В. Шуппе, Р. Авенариуса и Э. Маха выступает соглашение индивидуумов, а не соответствие трансцендентной реальности.

Для В. Шуппе гарантом истины выступает «согласие в наших восприятиях» [21,s. 31], иными словами, согласованность имманентных переживаний в различных сознаниях. Если несколько наблюдателей согласны относительно внешнего вида и положения дерева, значит оно является стабильно наблюдаемым в опыте: так мы по В. Шуппеприходим к интерсубъективности или, скорее,интерсознательности. Согласно эмпириокритицизму Р. Авенариуса, истина достижима в согласовании естественных, неметафизических описаний опыта. Э. Мах развивает это положениеосвоего рода «методологическом консенсусе», учитывая социально-исторический, конструируемый и практический аспекты научных понятий. Автор «Анализа ощущений» признавал неполноту и историчность любой теории, в том числе и своей: «Нет точки зрения, которая имела бы абсолютное, вечное значение, а каждая сохраняет свое значение только для определенной цели» [9, с. 75]. Современный исследователь Т. Уэбелполагает, что Э. Мах независимо от Чарльза Сандерса Пирса сформулировал прагматистский взгляд на научное знание [23, p. 519]. Это позволяет сделать вывод о том, что для мыслителей имманентности было не чуждым консенсуальное познание, включая фаллибилизм с приоритетом практики, ориентированной на будущее.

Список литературы

1. Авенариус Р. Человеческое понятие о мире М.: ЛКИ, 2008. 96 с.
2. Алексеев С. Имманентная философия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Доп. т. Ia. СПб.: Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1905. С. 821–825.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. 399 с.
4. Князева Е.Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.; СПб.:Университетская книга, 2014. 352 с.
5. Коськов С.Н. Гуманизация знания и познания // Булгаковские чтения. 2008. № 2. С. 123–130.
6. Коськов С.Н. Рациональное и нерациональное в языке науки с позиции эпистемологического подхода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 185–189.
7. Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 79–96.
8. Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма // Избранное. М.: Правда, 1991. С. 17–334.
9. Мах Э. Анализ ощущений. М.: Территория будущего, 2005. 301 с.
10. Мах Э. Познание и заблуждение. М.: Бином, 2003. 456 с.
11. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2016. 196 с.
12. Плеханов Г.В. Materialismusmilitans (Ответ г. Богданову.) // Избранные философские произведения. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 202–301.
13. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Дополнения к первым четырем книгам. М.: Академический проект, 2019.733 с.
14. Эйнштейн А. Автобиографические заметки // Собрание научных трудов. Т. 4. М.: Наука, 1967. С. 259–293.
15. Eisler R. Schubert-Soldern, Richard von // Philosophen-Lexikon. Berlin: E.S. Mittler, 1912. S. 659–660.
16. Glasersfeld E. von. Learning, Language and the Radical Theory // Key Works in Radical Constructivism. Rotterdam; Taipei: Sense Publishers, 2007. P. 3–90.
17. Krauss C.A. The Philosophy of Joseph Petzoldt. London; New York: Bloomsbury Academic, 2023. 257 p.
18. Piaget J. The Construction of Reality in the Child. Abingdon: Routledge, 2000. 386 p.
19. Russell B. The Analysis of Mind. London; New York: Routledge, 2023. 310 p.
20. Schmidgen H. The Helmholtz Curves. New York: Fordham University Press, 2014. 228 p.
21. Schuppe W. ErkenntnistheoretischeLogik. Bonn: Eduard Weber's Verlag, 1878. 700 S.

22. Staiti A. Reduction // TheRoutledge Handbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy. London; New York: Routledge, 2021. P. 368–375.
23. Uebel T. Mach, Jerusalem and Pragmatism // Ernst Mach – Life, Work, Influence. Vienna Circle Institute Yearbook. Vol. 22. Cham, Switzerland: Springer, 2019. P. 501–524.

Immanent epistemology: Avenarius, Mach, Schuppe

S.N.Kos'kov, M.A. Ivanenko

Oryol State University named after I.S. Turgenev, Oryol

This article examines the epistemological legacy of three major thinkers of immanence in the second half of the 19th and early 20th centuries: Richard Avenarius, Ernst Mach and Wilhelm Schuppe. The genesis of their philosophical positions is considered in the broad context of scientific thought at the end of the 19th century, taking into account such factors as the development of physics and biology, the emergence of empirical psychology and the growing discontent with Kantian transcendentalism in the germanophone academic community. The article actualized the views of the thinkers of immanence on the dualisms of subject and object, physical and mental, cognizing Self and the environment.The direct influence of R. Avenarius' empirio-criticism, E. Mach's neutral monism, and W. Schuppe's immanent philosophy on the intellectual landscape of the 20th century, including logical empiricism, analytical philosophy, phenomenology, and radical constructivism.

Keywords: *the subject of knowledge, immanence, transcendence, empirio-criticism, Machism, Instrumentalism, Kantianism.*

Об авторе:

КОСЬКОВ Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева», г. Орел. E-mail: koskov6819@gmail.com

ИВАНЕНКО Максим Александрович –магистрант кафедры логики, философии и методологии науки, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», г. Орел. E-mail:maksimivanenko02@yandex.ru

Author information:

KOSKOV Sergey Nikolaevich – PhD (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Turgenev Orel State University, Orel. E-mail: koskov6819@gmail.com

IVANENKO Maxim Aleksandrovich –Master's student of the Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science, Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel. E-mail: maksimivanenko02@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.06.2026.
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026.